

Всесоюзный фестиваль колхозных театров

ДВА ТЕАТРА

1. «Искры»

в татарском театре

Пошел занавес — и деревенский бай Сабир, вернувшийся после удачных сделок с ярмарки, стал показывать привезенные им богатые подарки. В этой же сцене он обещивает своего батрака Рамея, за бесенок присваивает вещи промотавшегося пьяницы Мучака, подкупает старуху Гюльминису, которая должна помочь ему в жульнических махинациях с покупкой земли. Тут же выясняется, что Сабир, успевший бросить трех жен, соблазнил свою служанку Хамдию и, чтобы скрыть следы преступления, рассказывает ее отцу, будто девушка чрезмерно благоволила к деревенским парням... При всем этом Сабир не забывает поминутно вынимать записную книжку и сосредоточенно производить свои купеческие подсчеты.

Словом, уже через четверть часа после начала спектакля автор не только не оставляет нам ни малейших сомнений насчет того, что Сабир — персонаж стопроцентно отрицательный, но даже успевает поразить зрителя удивительной, так сказать, универсальностью подлости Сабир-ра.

Однако все это автору кажется еще недостаточным. Поэтому во втором действии он еще раз показывает нам те же проявления подлости и жестокости Сабир-ра, но как бы «с тыла»: отец Хамдии жалуется на Сабир-ра, обидевшего его дочь; батрак Рамей стремится уйти от жестокого бая на заработки; подкупленная старуха Гюльминиса оформляет свою земельную сделку с Сабиром.

Теперь, уже давно убавившись в отрицательных свойствах бая Сабир-ра, мы окончательно убеждаемся и в плохом качестве пьесы драматурга Т. Гиззата — «Чаткылар». Эту пьесу — схематичную, неубедительную, в которой фигурируют имена, костюмы и социальные положения персонажей, но нет живых характеров, — показав на фестивале Мензелинский колхозно-совхозный театр Татарской АССР.

У нас очень любят говорить в последнее время о ненужности всяких «скидок» при оценке спектаклей, в частности — скидок на периферийность. Так вот, если не сделать скидок на дальность, — а Мензелинский театр прибыл на фестиваль в столицу из глубин Татарии, — то, надо сказать, что спектакль мензелинцев плох, очень плох.

Актеры театра не овладели еще самой элементарной культурой ансамбля, чувством художественной меры, вкусом к ансамблю роли. В большинстве своем исполнители движутся по сцене как-то одеревенело, с безжизненно повисшими, как плети, руками; бесстрастно проговаривают положенные им по роли реплики и, отговорив, удаляются за кулисы. Ни страсти, ни переживания.

Всесоюзный фестиваль колхозных театров. Ферганский областной колхозно-совхозный театр. П. Александров и А. Турдыев. «Три неправды». На снимке — сцена из пьесы артистка Исмаилова в роли Саадат и артист Мадалиев в роли Хашима

Фото Е. Явно

Или если уж дается какая-то краска, то таким густым мазком, какой пристал маляру, но непозволителен художнику. Если уже бесчинствует в татарской деревне русский урядник, то он и в гостях у своего приятеля бая не выпускает из рук нагайки. Если уж должно пострадать девическое достоинство Хамдии, то вслед за обещившим ее баем пристаёт к девушке и солдат Макара, тискает ее и урядник Николай Федорович, оскорбляет ее и Фархана, мать Сабир-ра.

«Чаткылар» — значит по-русски «искры». Есть в этом спектакле, поставленном художественным руководителем театра С. Амутбаевым, отдельные искры, редкие блестящие подлинного искусства. Это — маленький эпизод пьянчужки Мучака (арт. А. Шарифзянов) и любовно сделанная роль мальчишки Сабит-Гарей (артистка Х. Салимова).

Мучак — Шарифзянов, опустившийся пьянчужка, приходит к баю заложить свой скарб. Вот входит он со своим убогим узелком в богатую просторную комнату байского дома. В его сощуренных глазах и угодничество, и преклонение перед всемогущим баем, и пьяная хитрость заблуды. Скупые байские гроши, полученные под заклад, приводят его в восторг: маленькая иллюзия минутного богатства. Но зритель чувствует — конечно, сейчас Мучак спустит это жалкое богатство в кабак; конечно, не он обманул бая, а бай обманул его, и никогда не вернуть ему обратно своих пестрых халатов. Шарифзянов проводит на сцене всего две-три минуты, но он создает образ, и образ этот запоминается.

Актриса Салимова талантливо играет юркого мальчишку Сабита. Она нашла и верную упругость движений, и лукавую улыбку шустрого подростка, и свойство захлебываться вавилоновской скороговоркой, и какую-то шаловливую похотку с прыском — в минуты торжества. Своим ярким исполнением роли актриса придала образу Сабита большое объяснение. Сабит сразу выдвинулся на первый план в спектакле, как бы заслонив собою другие персонажи, которые, вероятно, мыслились и автору и театру главными.

Хорошо справился со своей задачей и художник Р. Халиков. Его оформление ярко, просто, чрезвычайно портативно — качество очень ценное для колхозного театра.

Вот это подлинное искры искусства. Только они согревают этот тусклый, холодный спектакль.

2. Узбекская Турандот

Изящная сказка о китайской принцессе Турандот, написанная венецианцем Гоцци, переделанная в романтическую трагедию Шиллером, восмладше лет назад поставленная Вахтанговым в Москве, вдруг заново пришла в советскую столицу с Востока, из Ферганской долины, со сцены Узбекского колхозного театра.

Конечно, это не вахтанговская «Турандот» с ее полотенецками вместо седых бород и теннисной ракеткой вместо скипетра. Узбекская Турандот носит имя Шарафат. Искателям руки она не задает неразрешимых загадок.

Но лишь за того выйдет она,
Кто три неправды расскажет ей,
И в каждой неправде скажет ей
Сорок небылиц удивительных.

А кто посватается, но не сумеет рассказать камриной невесте трех забавных неправд, того ждет смертная казнь. Поэтому узбекский вариант истории о жестокой принцессе называется «Три неправды».

Место татарского царевича Калафа занимает в пьесе скромный пастух Хашим (арт. Мадалиев). Впрочем, не из любви к прекрасной Шарафат решается он рассказывать ей перед узбекскими «мудрецами Дивана» свои лотешные небылицы, а чтобы затмить своим остроумием ненавистного байского сына, толстого недоросля Камия, доказать свое превосходство над ним.

Камия и его дружки всячески пытаются устранить опасного соперника, но Хашиму помогает любимая им дочь пастуха, юная Саадат, и он благополучно спасается от козней противников и поражает своим красноречием и остроумием обитателей ханского дворца. Пастух Хашим

Всесоюзный фестиваль колхозных театров. Мензелинский колхозно-совхозный театр Татарской АССР. Т. Гиззат. «Чаткылар». На снимке — сцена на пьесе артистка Саитова в роли Магисарвар и артист Мухаммади в роли Рамея

Фото Е. Явно

блестяще выдерживает испытание, которое стоило жизни многим знатным богатым женихам. Но когда очарованная Шарафат (арт. Аманова) готова отдать руку победителю, Хашим обнимает свою пастушку Саадат и гордо покидает ханский дворец. Так оканчивается пьеса «Три неправды», написанная Ц. Александровой и А. Турдыевым по мотивам одноименной узбекской народной сказки и показанная на фестивале Ферганским колхозным театром.

Не только фабульное оходство, «бродячий сюжет» о гордой и коварной принцессе роднит этот спектакль с вахтанговской «Турандот». Коллективу Узбекского колхозного театра (постановщики — засл. артист УзССР Я. Бабаджанов и А. Турдыев) удалось за двенадцать (12!) репетиционных дней создать спектакль очаровательной легкости, тонкой проны, праздничной театральности. Если в спектакле мензелинцев отдельные талантливые исполнители выделяются настолько резко, что как бы выпадают из общего ансамбля, то в Ферганском театре поражает прежде всего замечательная ансамблевость, найденное всем коллективом единое чувство стиля. Может быть, именно этим больше, нежели сюжетом пьесы, — и это большая гордость для колхозного театра, — спектакль ферганцев вызывает в памяти лучезарную, непревзойденную вахтанговскую «Турандот».

Но и в этом ярком сценическом правднике есть свои именники. Очаровательная Саадат — Исмаилова, актриса еще два года назад бывшая колхозницей. В ней покорила зрителя простота, какая-то удивительно непосредственная грация, о которой Исмаилова держится на сцене, детская искренность, с которой она играет свою роль.

Талантливый Рузубов создает замечательный образ толстого байского сына, смешливого тупицы Камия. Артист прекрасно передает характерный национальный колорит этого образа, типического для узбекского фольклора и популярного в народе.

Очень хороши в спектакле массовые сцены, особенно — сцена в чайхане, и красочное оформление (художник — В. Афанасьев, костюмы — художников И. Вайденберг и Д. Ушакова).

Свое веселое представление театр пропозвал яркими народными песнями и плясками, которыми блеснул и на следующий день, выступив на колхозном фестивале со специальным концертом. Это замечательное сочетание богатой музыкальной одаренности и превосходного чувства сцены бесспорно ставит коллектив Ферганского театра в число лучших национальных театров, виденных нами на нынешнем всесоюзном фестивале.

Д. КАЛЫМ